

~~РАЗУМ ИЛИ СЕРДЦЕ. ОНА ИЛИ ОН.~~

ПРОСТИ МЕНЯ

Пенинская Анна

Она или он

Анна Пенинская

Прости меня

«Accent Graphics communications»

2017

Пенинская А.

Прости меня / А. Пенинская — «Accent Graphics communications», 2017 — (Она или он)

ISBN 978-1-386-86373-1

Можно ли запрограммировать алгоритм жизни, установить собственные правила, поверить, что будущее станет именно таким, каким ты захочешь. Книга «Прости меня» совмещает элементы лирической драмы, непредсказуемого детектива, странной фантастики. В основе лежит судьба Валерии, которая хочет быть счастливой и здоровой. Ее младший брат Алекс изобретает план, благодаря которому Валерия должна остаться живой, если другой человек отдаст ей счастливый билет. Действие смертельного Вируса «Т» можно преодолеть, если, отдав все богатства, обменять на них свою жизнь. Шанс есть у немногих. Привязанность и преданность друг к другу брата и сестры, противостояния внутри семейных и любовных пар, жесткая психологическая напряженность оказываются непредсказуемыми. Жизненные коллизии закручиваются в жесткую пружину-спираль, которая неминуемо и совершенно непредвиденно раскрутится, чтобы разрушить или создать. Жертвенность во имя любви становится счастьем, испытанием, наказанием и мерой познания. Желание жизни и желание смерти ради другого – где грань?

ISBN 978-1-386-86373-1

© Пенинская А., 2017

© Accent Graphics
communications, 2017

Анна Пенинская

Прости меня

1

Он вдыхает запах цветов, название которых ему неизвестно, но он уже знает наверняка, что будет ассоциировать этот запах с запахом свободы и новой жизни. С запахом того, что, черт возьми, порой мечты сбываются. Поэтому замирает на какое-то время, чтобы насладиться. Чтобы запомнить. Мимо него проходят люди. С мрачными выражениями лиц, со спокойными, нарочито равнодушными. Равнодушное лицо становится каким-то оберегом. Он сам часто ходил с равнодушным выражением лица, правда, кто-то принимал это за выражение высокомерия. Кто-то разговаривает по телефону, кто-то смотрит сосредоточенно под ноги, а кто-то так же сосредоточенно глядит перед собой. Редко кого можно заметить, кто бы смотрел по сторонам. Наверное, это считается дурным тоном. А ему сейчас хочется петь от того, насколько он внутри счастлив. Поэтому он смотрит по сторонам, чего раньше никогда не делал. Вот парень пытается прикурить сигарету, но зажигалка ему не дается, и он бросает эту затею, совершенно не выказывая целеустремленности. Пожилая пара... Он поддерживает ее, и это вызывает умиление. Одна девушка прямо в динамик телефона повышает голос, по всей видимости на своего ухажёра, и когда обнаруживает, что замечена, смущённо улыбается. И он принимает её улыбку за извинение и посылает в ответ понимающий взгляд. И ему становится невольно интересно, что такого могло произойти между этой красивой девушкой и тем, на кого она так неосмотрительно повысила голос. К слову, голос ее был красивым, даже невзирая на противные истеричные нотки. Мужчины терпеть не могут эти нотки, он мог поспорить, что ее ухажер на том конце телефонного разговора скривился. Так чем же он мог заслужить немилость этой девушки? Может быть, не заметил, что она сменила причёску? Или опоздал на встречу? Попал под горячую руку? Забыл о важной дате первого поцелуя, первой встречи или того и другого сразу? Или девушка просто истеричная стерва. Сейчас она повернулась к нему спиной, и он сразу потерял к ней интерес. И к ее отношениям с ухажером. Вообще, с чего он взял, что это был ухажер? Может, она ругается со своей подружкой?

Никто не обращает на него внимания. Он усмехается этой мысли. Она греет ему душу, и в то же время ему хочется остановить кого-то из этих увлечённых собой людей, круто развернуть и заставить выслушать собственную историю. Заставить кивать, заинтересованно округлять глаза. Завидовать ему. Восхищаться. Может, вот этого мужчину в забавной кепке остановить? Поведать ему о том, о чем хочется кричать. Мужчина замечает его взгляд и недоверчиво отводит глаза. Наверное, слишком пристально смотрел. Плохая жертва. Может, вернуть ту девочку, что всюю кричала на нерадивого ухажёра или на надоедливую подружку? Она была так смущена, что даже из вежливости выслушает его историю. Пусть даже ей будет совсем неинтересно, но кого это, в сущности, волнует? А потом будет восхищаться, и обязательно в красивых глазах промелькнёт зависть. Потому что он будет жить.

Он неловко встряхивает головой, сгоняя наваждение и никому не нужные мысли. Ему, по крайней мере, эти мысли точно не нужны. Ведь ничто не должно его отвлекать. Впереди его ждёт длинная дорога. Он терпеть не может длинные дороги. Только сегодня совсем другой случай. Сегодня он мечтает об этой дороге. Сегодня он обожает долгие, длинные, выматывающие и изнуряющие дороги. Потому что он любит жизнь. Он подхватывает небольшой чемодан чёрной кожи, доставшийся ему от жены, и садится в только что подъехавшее такси. По дороге в аэропорт он слушает болтовню водителя и, черт возьми, эта болтовня его даже не раздражает. Даже рассказ о сломанной лапе собаки и о том, какие подлые эти ветеринары, которые долго

их не принимали, хотя таксист обозначил, что вызов срочный. Даже рассказ о том, что его дети выигрывали бесчисленные олимпиады. Не то чтобы он часто ездил на такси, не то чтобы он часто позволял водителям вести с собой душевные беседы... но всякий раз, если у него было неплохое настроение или просто хотелось послушать чей-то голос, он вынужден был вникать в то, что дети у всех просто вундеркинды. Он же никогда бы не решился спросить, каким образом у такого болтливой кретина вдруг родились дети вундеркинды. Да, порой он был невыносимым снобом. За что и поплатился. Он прикрывает глаза. Монотонный голос таксиста его даже убаюкивает. Жизнь играет новыми красками, когда ты ее почти потерял.

Его зовут Константин. Ему тридцать четыре года, у него свой бизнес, который не имеет отношения к истории, но стоит отметить, что бизнес этот приносит ему достаточную прибыль, чтобы чувствовать себя отменно. Чтобы чувствовать себя на коне и даже гордиться собою. Даже смотреть на этот мир с некоторой долей высокомерия. Не то чтобы совсем свысока, но с осознанием, что такую возможность он имеет. Сейчас мир устроен таким образом, что для того, чтобы иметь доход, хороший доход, нужно играть по правилам тех, кто находится на высоте. И он был тем, кто создал одно из самых неприятных изобретений, чтобы облегчить жизнь тем, кто находится на высоте. Глупость, конечно, несусветная. Стабильный доход и неплохая машина во дворе еще не могут обеспечить алиби, если глядишь на других свысока. Даже очень хороший доход и уникальная машина не могут обеспечить такого рода алиби, а у него есть вдобавок хорошая квартира, причем не одна. Было дело, и он вкладывался в недвижимость и дорогие костюмы, которые ему идут: он не будет скромничать, он прекрасно понимает, какой эффект производит его натренированное тело, облаченное в дорогой костюм. Он не то чтобы красавчик, но обладает вполне привлекательной и приятной внешностью. Темные волосы, карие глубокие глаза и смуглая кожа, высокий рост, к тому же он никогда не относился к себе халатно, поэтому и тело его не страдало от отсутствия физических нагрузок. Он знает, какая ему идет стрижка, он знает, какое впечатление производит его автомобиль, он знает, как выглядеть джентльменом, он также знает, что белые рубашки вполне могут быть его козырем. Точнее, знал до того момента, как его жизнь круто перевернулась.

Он почти никогда не болел. Конечно, как и все, порой подхватывал заразу – чихал, кашлял и мучился болью в горле, но очаровательная продавщица из аптеки напротив его дома всегда помогала ему с подбором лекарств. Стоило только сказать, что уже завтра у него важная встреча по бизнесу, и он обязательно получал именно те пилюли, которые выручали его за одну ночь. Однажды на горнолыжном курорте он сломал руку при неудачном спуске. Случилось как-то – потянул спину, когда занимался в спортзале. Можно ли назвать его вполне здоровым человеком в его тридцать три? Абсолютно. Он ведет... нормальный образ жизни. Он не монах-пуританин, но уже давно бросил курить и не напивается в стельку. Бокал вина вечером для хорошего сна это ведь даже полезно. По крайней мере, он где-то об этом читал. Иногда он может позволить себе лишнего, но разве он не имеет на это права, если постоянно на работе или в зале, или же со своей женой выбирает занавески? Да, он прекрасный муж и действительно любит свою жену.

Только вот жена его больше не любит, и он не имеет права ее винить. Его бы хватило на куда меньшее время. Честно, он совсем не был на нее зол. Хоть тогда и валялся у нее в ногах, и умолял не уходить, а в то же время шипел, что она предательница и грязная тварь. Ему было страшно. Это его не красит и не оправдывает, но все это ему кажется таким мелким, когда сейчас он снова может дышать и верить в будущее. Ему уже и жена не нужна. И даже не хочется считать ее предательницей, которой коснется кармический маятник. Или жалеть свое разбитое сердце. Она все сделала правильно. В моменты просветления и ясного ума он понимал, что она все сделала правильно.

2

– Технический прогресс уже давно достиг таких высот, которые и не снились обычным людям.

Красивая женщина со строгим лицом прижимает к груди папку, довольно увесистую, и пытается достать стаканчик с кофе из автомата. Молоденький парень смотрит на нее с легким недопониманием.

– Что значит «обычным людям»? Кто выбирает этих обычных людей или необычных? Какие критерии?

Женщина поднимает на него усталый взгляд. На ней белоснежный больничный халат, а волосы уложены в стильную короткую укладку, что придает ей сходство с балериной. В ее взгляде даже где-то сверкает мольба о помощи, которую она не может озвучить по многим причинам. А молоденький наконец, спохватывается и все же помогает ей достать этот злосчастный стаканчик, до которого она не могла дотянуться из-за папки, занимающей руки.

– Если создано лекарство от рака, почему нельзя поделиться им и знаниями о нем со всем миром?

Он искренне недоумевает и даже тяжело вздыхает, словно в подтверждение своего непонимания ситуации. Можно было бы спасти столько жизней. Он сам знает, что его дедушка был убит этой неизлечимой в то время болезнью. Он тогда ничем не мог помочь. Да и сейчас, как он может кому-то облегчить жизнь, если ничего не решает? Он не имеет возможности помочь даже своей сестре, хотя она так хочет жить. Но помогать родственникам нельзя. Точнее, «родственные связи с работниками лаборатории не являются приоритетными». Это прописано в правилах, в которых под словом «прочитано» стоит его подпись. «Не являются приоритетными» означает, что лаборатория не имеет ничего против тех родственников, которые в состоянии заплатить кругленькую сумму.

– Это естественный отбор. Мы не имеем права идти наперекор судьбе.

Может, ей самой не нравится такой расклад событий. Судя по её стальному тону и тому, как крепко она сжимает стаканчик с кофе. Она просто старается не думать об этом. Слава Богу, работы настолько много, что нет времени на пустые и ни к чему не приводящие размышления. Есть ли доля смысла в словах этого юнца? Не её дело.

– Только если у этого человека нет денег. А деньги решают судьбу.

Он все никак не унимается, она тяжело вздыхает. Почему ей надо было выйти за кофе именно в этот момент? Почему именно она попала в плен к этому юному борцу за справедливость? К этому идеалисту чертовому. Она не осаждаёт его, хотя терпение её начинает трещать по швам.

– Мы не можем помочь всем. Мы вынуждены выбирать. А этот способ – самый логичный и самый естественный. И гуманный. (Она почему-то подчёркивает именно это слово, и взгляд его буквально впивается в глаза юноши.) Я имею в виду: тот, у кого есть деньги, тот и получает заветную вакцину. Какой способ выбора предложишь ты? Отдать тем, кто больше всех нуждается? Все нуждаются одинаково. И нет кого-то – кто лучше и кто хуже. И нет того, кто больше заслужил. А деньги, да. Деньги могут решить. К тому же, для этого проекта нам нужны деньги. Взаимовыгодный обмен. А сейчас мне пора работать, я и так заговорила с тобой. Впрочем, тебе и самому известно о нашей лотерее...

– Это бесчеловечно.

– Это шанс.

Она разворачивается на каблуках и отправляется в свой кабинет. Может быть, на последних предложениях она слишком явно показала своё раздражение. Скорее всего, он это заметил. Она спиной чувствует, как он испепеляет её взглядом.

3

Когда Константин только родился, никакой золотой ложки во рту у него не обнаружилось. И дело было вовсе не в том, что у его родителей не было возможности ему эту ложку положить. Дело было в том, что его отец был человеком очень строгих правил и сразу решил, что его сын не должен расти избалованным сосунком, которому достаётся все слишком просто. И Константина с самого детства закаляли и готовили к тому, что он должен всего добиваться сам. Он был сыном одних из самых обеспеченных людей в округе, при этом карманных денег ему доставалось меньше, чем остальным. А все по той причине, что получал карманные деньги он только лишь за отличные оценки, а с учебой у него было туго. Его встречали у школы практически с водителем, а вот позволить себе лишний пирожок в столовой он не мог.

И он бы злился, если бы не был благодарен отцу за такой метод воспитания. Конечно, он пережил немало унижительных минут в школьные годы. Конечно, он впадал в гнев и кричал отцу, что ненавидит его. Конечно, до сих пор пор его отношения с родителями можно назвать натянутыми. То есть, он стабильно им звонит в другой город, где они живут. И даже на некоторые праздники старается их навещать, но атмосфера в эти дни в доме не самая радужная. Он не может взять в толк, почему они не могут его принять. Он так и не простил им отсутствие нормального детства и все равно безумно благодарен. Всякий раз он хочет поблагодарить их, но наталкивается на снобизм и равнодушие и говорит сам себе, что ничего. В следующий раз. Вот такой парадокс. Всегда в голове нужно держать, что потом может быть поздно. Как и случилось в итоге.

В институт Константин поступал уже сам, прекрасно понимая, что это его выбор и дальше он сам по себе. Впрочем, было чем гордиться. Если в школе он звёзд с неба не хватал, то здесь оказался одним из лучших студентов. Стоило ему только определиться, чем он хочет заниматься. А может быть, он просто везунчик? На самом деле он был человеком, который умеет добиваться своего. Если у него и были недостатки, к примеру, лень, в эти недостатки вкладываться было никак нельзя. Да, он был высокомерным. Да, он был немного заносчивым, да, он всегда был эгоистичным. Но он всегда умел добиваться своего.

– Что ты сделаешь с первым заработанным миллионом? – жеманно улыбаясь, спрашивает у него обильно накрашенная блондинка. Ему уже двадцать три года, он владелец малого бизнеса и, конечно, уверенный в себе ловелас с белоснежной улыбкой. А она всего лишь дурочка из бара.

– Я свой первый миллион уже потратил.

И он ведь даже на лжёт, а девочки из баров так горят в ответ на эти слова, что ему становится немного скучно от того, как все просто. Кстати, в те дни он ещё заканчивал практически каждый свой вечер как минимум парой стаканов виски, да выкуривал по пачке сигарет в день. И ничего. Дьявольски высокомерен, но, черт возьми, обаятелен.

К женщинам он относится потребительски. Но разве можно его в этом винить? Он молод, он успешен, он хорош собой. Женщины сами не позволяли ему вдруг превратиться в охотника. Он бы и рад добиваться, влюбиться. Иногда ему даже нравилось рассказывать такую печальную историю, как ему хотелось бы зачехься, почувствовать сердцебиение. Захотеть добиться какой-то нимфы. Такие истории просто безотказно действовали на очаровательных наивных куколок, которые уже представляли, что именно они и будут являться причиной того, что у него сердце забьется чаще, чем, когда он бежит утром по набережной. Конечно, не хочет он влюбляться. Конечно, не хотел он семьи. Конечно, ничего он не хотел. И устраивала его подобная жизнь: деньги, путешествия, множество женщин.

Он засыпал один. Потому что даже мысли не мог допустить, чтобы кто-то из его подружек положил во сне голову ему на плечо.

Данные о подхвативших «Вирус Т» приходят к ним едва ли не раньше, чем об этом узнает сам несчастный. Высвечиваются на экранах компьютеров. С фотографиями, с историями болезней. Бесчисленные фото мелькают на экранах, сменяя друг друга. Молодые, пожилые, дети. Коварная болезнь, которая не шадит никого и выбирает свои жертвы напористо, нахраписто, не давая опомниться. Для кого-то, быть может, «у вас Вирус Т» и выглядит как вызов. Но для большинства эти слова звучат как приговор. Как для человека, который болеет, так и для его близких, для родственников и вообще для окружающего его мира. Еще неизвестно, для кого эти слова звучат тяжелее.

Секретные лаборатории на то и секретные, что о них не знает никто, зато они знают все и обо всех. Здесь истории болезней рассматриваются цинично. Кроме болезней изучают также сжатые биографии, чтобы понять, стоит ли связываться с заболевшим или же равнодушно закрыть вкладку с фотографией жертвы страшной болезни. В лучшем случае оставить до лучших времён, а обычно – просто забыть. Случаев и так более чем достаточно. К несчастью, нужным и подходящим для лаборатории нужно оказаться прямо здесь и сейчас. Шанс выпадает только один, когда фотография человека со страшным диагнозом появляется на экранах. Пусть даже кто-то пытается сам себя убедить в том, что файл с фотографией будет проверяться, закрывается лишь на время, а потом вдруг что-то изменится. Это всего лишь самоутешение. Потом. Все потом. Только не было ни одного случая, чтобы закрытый файл потом открывался снова. Да, здесь дается всего лишь один шанс. И эти люди, которые понимают, что чума нового мира их поглотила, просто ждут своего шанса поучаствовать в лотерее.

– Мы должны помочь этому ребёнку. Он совсем ещё малыш, родители совершенно отчаялись...

– Нет. У них нет возможности, мы не благотворительная организация.

– Но...

– Никаких «но». Если ты не можешь справиться со своими эмоциями и всякий раз будешь бегать ко мне с предложениями ввести благотворительные эксперименты, увидев трогательное фото, то тебе здесь не место.

Мелькающие фотографии на экранах. Зрение давно уже падает. Равнодушно закрыть фотографию, на которой изображён ребёнок. Поставить пометку «не годен».

Свою жену он встретит, когда ему исполняется тридцать. В буквальном смысле, именно в тот момент, когда он отмечает день рождения со своими друзьями в баре неподалёку от дома. Ему ещё нет тридцати, да если бы и было тридцать, он был бы уверен, что вся жизнь впереди. Много красивых и не всегда правдивых слов, выпивка, громкая музыка, более честная, чем все эти поздравления в его адрес. Конечно, в какой-то момент он от них устанет. Совсем немного, но достаточно для того, чтобы отделиться от общей массы под предлогом «подышать на свежем воздухе». И вот уже на улице, вдыхая отнюдь не свежий воздух, созданный из выхлопных газов машин, за своей спиной услышал мелодичный женский голос с не самой женственной просьбой прикурить. Он обернулся и, конечно, следуя классике жанра, увидел свою будущую жену. Хрупкая фигурка, кожаные брюки и короткий топ, который подчеркивал тонкую талию. Пиджак, небрежно накинутый на плечи, высокие каблуки, зрительно удлиняющие ноги. Он сразу понял, что она немного комплексует из-за миниатюрного роста, поэтому каблуки её были скорее красивыми, нежели удобными. Правда, она до самого своего ухода от него так и не призналась, что он был прав относительно её комплекса. Короткие взъерошенные волосы придавали ей сходство с воробушком, а отсутствие макияжа делало на пять лет моложе, чем она была на самом деле.

– Я заблудилась. У вас не найдётся прикурить? Я всегда курю, когда волнуюсь.

Огромные глаза, придающие ей сходство с оленёнком, смотрели на него заинтересованно. А ему почему-то захотелось её защищать. Курить она потом бросила. Последний раз он видел её с сигаретой, кстати, в тот момент, когда вообще видел её последний раз. Когда она собирала вещи, и пепел с сигареты падал на её чемодан. И, к слову, в тот момент он особенно сильно её любил, он особенно сильно в ней нуждался. А у неё в глазах появилась такая усталость, что валяться в её ногах стало бессмысленно. Но раз она курила, значит волновалась. Она же всегда курит, когда волнуется. Может, эта мысль совсем немного его утешала, когда он все же валялся. Правда, не у нее в ногах, а на коврик около двери. И не был уверен, какого, собственно, черта он не встает на ноги. По той ли причине, что от него ушла женщина, которую единственную за свою жизнь он любил. Или же причина была в том, что у него разрывалась голова и, казалось, болел каждый мускул, и ничто не могло помочь ему избавиться от этой боли.

5

Кстати, его жена была совсем не в его вкусе. Ему всегда казалось, что он предпочитал более ярких девушек, она же была мечтой поэта, а он никогда не был поэтом. Даже не понимал стихотворения. Даже не читал их. И равнодушно закрывал, если его многочисленные подружки слали ему сообщения четверостишиями. В день знакомства с будущей женой, когда он уговорил ее следовать за ним в бар, его друзья даже оказались в легком замешательстве. Никогда они не думали, что увидят рядом с ним девушку, напоминающую Одри Хепберн, хрупкую, без кричащего макияжа и глубокого декольте. Кто-то даже решил, что это его родственница. Ее потом за глаза так и звали: «Одри».

– Одри тебя еще не бросила?

– Что любит готовить тебе на ужин Одри?

– А нравится ли Одри твоей маме?

– Что Одри нашла в таком балбесе, как ты?

– Что ты нашел в такой девушке, как Одри? Не слишком ли она для тебя правильная?

Она всегда была умницей и немного занудой, но ему, честно, это казалось очаровательным. Она постоянно его исправляла, когда он ошибался в ударениях, в ней присутствовал некий снобизм, присущий легким интеллектуалкам, которые хорошо учились в школе и прочитали некоторых классиков. И им даже понравилось. Он терпеть не мог, когда она пыталась его учить, и она замечала это по его взгляду. Поэтому она звонко смеялась и целовала его в нос.

Когда он услышал свой диагноз, у него, как это бывает, пролетела вся жизнь перед глазами. Он никогда в это не верил, а, впрочем, это все просто красивые слова, потому что на самом деле перед его карими глазами летели лишь отдельные моменты, как видеоклипы. Щелк. Вот они с женой на первом отдыхе, на горнолыжном курорте. К середине дня она уже спокойно может съехать с достаточно высокой горки, в то время как он все еще держится за дерево. Она всякий раз проезжает мимо него, и он вынужден показывать ей большой палец, мол, с ним все в порядке, но по ее улыбке он понимает, что ее умиляет его «способность» к зимним видам спорта. Щелк. Он находит книжку на чешском языке и читает ей вслух, конечно, совершенно не зная чешского, а она покатывается со смеху и пьет какао. Щелк. Она надувает губы, потому что обжигает язык горячим какао. Вся ли это жизнь? Это точно те моменты, в которые он чувствовал себя живым. И когда его мозг услышал диагноз, он словно в насмешку напомнил ему об этих минутах.

В аэропорту, как это бывает, можно наблюдать за людьми. Кто-то кого-то провожает, кто-то, напротив, встречает. В аэропорту почти нельзя встретить людей потерянных, ищущих что-то взглядом растерянно, с просьбой о помощи. В аэропорту каждый точно знает, зачем и почему оказался на этом месте и в это время. Очень уверенное место, очень динамичное. И он всегда любил аэропорты. С самого детства, когда он буквально с ума сходил от нетерпения

перед путешествием, и для него это оказывалось целым событием. Помнится, он неделями сводил с ума своих родителей расспросами о том, когда они уже сядут в самолет. Может быть, все дети любят путешествия и самолеты? Почему-то поезда никогда не вызывали у него такого же духовного трепета. Его мать страшно боялась самолетов, у нее потели ладони, и она часто отправляла его вместе с отцом, а сама оставалась дома в полной безопасности. Он же потом рассказывал, как забавно они попали в грозу, как сильно трясло самолет, и как нервничали стюардессы, доводя мать до непревзойденных эмоций. Как бы там ни было, он с самого юного возраста питал слабость в отношении самолетов и аэропортов.

Сегодня не исключение. Сегодня особенный день. Он светится и пытается угадать мысли каждого встречного человека. Сам с собой спорит – за кем интереснее наблюдать: за встречающимися или же провожающими. Потом сидит в кафе около своего выхода и пьет кофе с коньяком, добавляя коньяк в черный напиток из маленькой бутылочки, купленной в Дьюти Фри. Улыбается молодой мамочке, которая не в силах справиться со своим испорченным отпрыском, что требует у нее машинку как у Бэтмена. Она отвечает ему вымученной и усталой улыбкой, в которой он, лично, может прочесть, что она бы и рада уединиться с ним в туалете аэропорта, но отпрыск будет недоволен, и вообще ее жизнь стала катиться к черту и посвящена только этому капризному ребенку.

Хотя, возможно, она думала вовсе о другом:

«Опять на меня пялится какой-то одинокий алкоголик. Что ему надо, он, что, не видит, что я с ребенком? Насмехайся, чертов самовлюбленный козел».

Но он, интерпретировав ее улыбку и взгляд по-своему, был вполне себе удовлетворен. Узнавать точно он не собирался и принял решение доверять своим мыслям.

Он заказывает себе еще кофе и, чтобы не выглядеть сумасшедшим кофейным пьяницей, добавляет к заказу пирожное с малиной. Которое оказывается сушей дрянью, поэтому он так и оставляет его на тарелке. Даже коньяк с кофе не спасает, хотя вроде бы должен разжигать аппетит. Он принимает решение, что лучше съест не самую вкусную еду в самолете. Тоже как часть путешествия. Одного из самых важных в его жизни, если не самого важного, что также придает обстоятельствам определенный колорит.

Его прекрасное настроение не может испортить и очернить даже то, что монотонный голос диспетчера объявляет о задержке его рейса. Он, конечно, вздохнул и даже покачал головой, как и остальные ожидающие, но по большому счету ему было все равно, и он не собирался такой мелочи, как двухчасовая задержка рейса, омрачить ему настроение. Придется провести еще некоторое время наедине с самим собой, не самая неприятная компания, к слову.

– Какая встреча, только не говорите, что не узнали меня, иначе моя вера в судьбу значительно пошатнется.

Он заигрывает неумело. Правда, никто не жаловался. Кто вообще сказал, что мужчины умеют заигрывать? Мужчины или безапелляционно берут то, что им захотелось, или же что-то невразумительно мычат, пытаясь быть джентльменами, но в результате остаются в так называемой френд зоне. И если выбирать из двух зол меньшее, в итоге неизвестно, что лучше. Он, скорее, относится к той категории, которая идет напролом. Все что угодно, лишь бы не «ты замечательный друг, и кто-то обязательно будет с тобой счастлив». Лучше быть чертовым придурком, который возомнил о себе слишком многое, лучше быть человеком, о котором потом будут рассказывать своим подружкам: какой он хам и неотесанный мужлан, с которым и кофе выпить противно, не то что уж сходиться на свидание. Хотя бы весело. Лучше, чем быть милым джентльменом, который так никогда и не добьется чего-то большего. Лучше уж быть слишком плохим, чем позорно прослыть слишком хорошим, что на языке женщин обозначает:

«Он вообще ни рыба, ни мясо, совсем не привлекает меня. Но смотрит таким по-собачьи преданным взглядом, что я не могу отказать себе в удовольствии держать его около себя».

Вот и сейчас он идет напролом. Да пусть посмотрит на него как на идиота, пусть скажет, что ее вообще не интересуют мужчины – ему на самом деле все равно. То есть она, конечно, хорошенькая и все такое прочее, но он не герой произведений про любовь, который влюбился с первого взгляда и пошел творить безумства. Он никогда не переживал из-за отказов, а уж сегодня и вовсе, когда у него впереди вторая жизнь, он не был бы задет отказом какой-то миловидной девицы.

Она откидывает каштановые волосы со лба, таким естественным, но почему-то очень чувственным движением руки. Поднимает на него взгляд и щурится. А вот это уже обидно, она его не узнала. Слегка задевает его мужское эго. У нее глаза зеленые, как трава. Очень яркие – такие вообще бывают?

– Мы столкнулись на улице. Вот уж не думал, что снова встретимся, да еще и в аэропорту. Воистину, как тесен этот мир.

Он чувствует себя полным идиотом, потому что она хоть и улыбается снисходительно, но, по всей видимости, совершенно не может его вспомнить. Наверное, в своей голове она уже решила, что он неумелый донжуан, который таким дешевым способом всего лишь старается выделиться из толпы других донжуанов. Он предпринимает последнюю попытку, решив капитулировать, если она продолжит так же противно улыбаться, как будто бы его учительница в старших классах, когда знала, что он не выучил урок.

– Вы с кем-то ругались по телефону... Не то чтобы я хотел подслушивать, но вы говорили достаточно громко, так что выбора мне не оставили, – выжидающе смотрит на нее.

Она перестает улыбаться, щурит зеленые глаза, кажется, в ее глазах мелькает что-то, чего не было до этой секунды. В его мыслях проносится, что она его все же узнала, но она мотает головой:

– Простите, я сегодня весь день ругаюсь по телефону. И именно поэтому я совершенно не обращала внимание на окружающих.

Ему кажется, что ее слова звучат слишком уж самонадеянно, она утыкается куда-то вглубь своей чашки с кофе. Он принимает решение, что уже проиграл и стоит уползть с поля боя, пока еще внутри остались какие-то намеки на достоинство. Она путает все его карты, когда жестом приглашает присесть, а потом и вовсе произносит:

– Садитесь, уж простите, что была несколько груба. У меня совсем неудачный день.

Ему уже не так интересно это знакомство, но грусть в зеленых глазах почему-то манит его любопытство. Он видит, чувствует, что ей нужен собеседник, а если быть точнее, слушатель. Понимает, что сейчас она вывернет наружу какое-то грязное белье, и как человек, всего лишь обычный человек, со своими слабостями, он не может противостоять искушению это белье рассмотреть хорошенько. Поэтому, несмотря на ее протесты, заказывает бутылку красного вина. Да ему так долго было нельзя даже думать об алкогольных напитках, что сегодня он решил, что может себе это позволить. Ну уж нет. Как бы ему ни хотелось поделиться с ней своей историей, он будет молчать. С каких это пор он стал таким суеверным?

Он не ошибся, и ей действительно нужны были «уши». Она не собиралась ни с кем общаться и, по правде говоря, решила, что будет в одиночестве напиваться в аэропорту, прежде чем улететь куда-то не в новую жизнь, а так, на отдых. Он оказался рядом с ней внезапно и как-то слишком неожиданно, причем начал говорить о какой-то судьбе и о том, что они уже встречались. С кем проще всего делиться своими переживаниями и проблемами в жизни? Тот, кто скажет, что со своими близкими – ужасный лицемер. Проще всего делиться с попутчиками в поезде и с таксистами, что словно заботливо протягивают дешевую салфетку, которой вытирают губы, после того как поедают сэндвич. А с близкими нет. Близкие и осудят, и покачают головой, и у них всегда много своих проблем. Нет, с ними делиться не хочется.

Она окидывает его взглядом. Весьма недурен собой. Высокий, статный. Загорелый. Небольшие мешки под глазами выдают не самые простые дни за последний период его жизни,

но, признаться, это лишь придает ему толику какой-то земной привлекательности. Умный и лукавый взгляд. Она могла бы поспорить, что девушки за этот взгляд готовы были пасть к его ногам, что у нее вызывает лишь усмешку. Хотя... кто знает, что было бы в ее голове, окажись она в более свободной ситуации. Она не хотела ему ничего такого рассказывать, готова была просто ограничиться сведениями о том, что рассталась с любимым человеком, теперь переживает, сердце не на месте, да и слезы вот-вот брызнут из глаз из-за обиды на себя и на весь мир. Но бутылка красного вина чертовски развязывает язык. И у него такие глубокие глаза, что почему-то хотелось произвести впечатление и даже дополнить свой рассказ некоторыми деталями, которые могли бы быть слегка преувеличены. Но ей так нравится, как он кивает головой и щурит глаза, что она не сомневается в правильности решения. Да она и не лжет вовсе. Просто вместо двух лет отношений называет отчего-то пять. Чтобы ее страдания в этом рассказе длились еще дольше. Красное вино оказывается каким-то по-дурацки слезливым напитком. Она слышит, что ее голос предательски дрожит. И пытается заглушить эту дрожь еще одним глотком, который на деле оказывается лишним. Ей хочется есть, и она заказывает себе десерт. Голосом, который кажется ей слишком высоким для ее обычно низкого и немного хрипловатого голоса. Все считали это сексуальным, а она смущалась. Мысли ее прыгают с одной на другую. Она искренне рассказывает, что ненавидит сладкое. Уплетая за обе щеки не самый вкусный десерт. Потом отставляет тарелку и так же искренне сообщает несчастному официанту, что десерт был ужасен. Тот из этических соображений и из вежливости не спрашивает, почему тогда она не оставила ни единой крошки от этого «ужасного десерта». А она много улыбается и много грустит. И видит, что этот привлекательный молодой человек смотрит на нее уже куда более заинтересованно. И это чертовски льстит ее самолюбию. Хотя, она, правда, не понимает, что он мог бы в ней найти, кроме ее зеленых глаз. Все говорили комплименты ее зеленым глазам. Так что им она доверяет. Остальному нет.

Он терпеливо ждет ее рассказ. Она ведь здесь ради того, чтобы о чем-то ему поведать. Иначе она не пригласила бы его за свой столик. Она не жаждет никакого знакомства, это видно невооруженным взглядом. Она не ищет романтических встреч. И не хочет влюбиться. Она не особенная девушка, просто в ее жизни произошло что-то, что она сама считает чертовски несправедливым, и ей хочется, страстно хочется, чтобы кто-то с ней в этом согласился и поддержал хотя бы немного. Да и вино. Продолжает склонять ее к глупостям. Поэтому она набирает побольше воздуха.

А не слишком противно будет услышать историю о несчастной любви? Я, право же, совсем не такая ранимая, как может показаться на первый взгляд, да и то, что я столько выпила, не должно показывать, что я вся такая несчастная, и меня непременно нужно пожалеть. Выпиваю я лишь по той причине, что в последнее время отчего-то нервничаю в самолетах. И я не плачу, конечно, не плачу. Я вообще забыла, когда плакала. Ах да. В последний раз, когда умер мой дедушка, у него была какая-то страшная болезнь, тогда ее так и не смогли диагностировать, сейчас уже известно ее название. Впрочем, даже если бы мы тогда знали о том, что это за болезнь, ничего бы не вышло. Ужасная смерть, ему было так тяжело. Я тогда плакала. А сейчас я не плачу. Сейчас мне что-то попало в глаз – какая же глупая отговорка. Прошу секундочку, всего одну секундочку. Да и не любовь вовсе несчастная, а я несчастная. Потому что любви ведь там толком и не было. И не то чтобы я всегда выбирала не тех, какая дурацкая способность женщин постоянно выгораживать себя тем, что они, видишь ли, выбирают не тех. Мы всегда выбираем «тех». А потом просто или сами не оправдываем надежд, или же они не оправдывают наших, мы ведь все свято верим, что ради наших глаз они будут меняться. Они не будут, они будут становиться только хуже. И все мы это знаем, разве что все время надеемся на лучшее. Поэтому почему бы не выбрать сразу того, чьи перемены тебе не важны? Но это все лирика, и это совсем не обо мне.

Я вчера собрала вещи и ушла, мы были вместе четыре года, подумать только, это же маленькая жизнь. Я совершенно ни в чем его не устраивала. Я любила поваляться до обеда, а он считал, что я должна встать утром и сделать ему завтрак, и я, честно, пыталась, но тосты выходили подгоревшими, а яичница почти сырой. Он, конечно, и не думал скрывать своего недовольства. А всякий раз после его неудовлетворенного лица мне хотелось все бросить и уже больше не пытаться никогда. Но я старалась.

Дура, конечно, но я себя тогда считала героиней. Никто и никогда не меняется, и он бы не поменялся. Почему я наивно полагала, что мои слабые потуги помогут отношениям...

Он, конечно, был очень красив. Почти так же красив, как вы. Нет, ни в коем случае я не пытаюсь забросать вас комплиментами, мы ведь практически незнакомы. Ему казалось, что одно его присутствие в моей жизни уже должно делать меня самой счастливой. Ах, да. Порой он заказывала мне цветы, нет, не покупал сам, но заказывал, и я все равно таяла, словно мороженое на солнце. Он сумел поставить себя таким образом, что я все время чувствовала себя виноватой, я все время чувствовала себя ничтожеством. Я даже где-то восхищена, потому что никогда не считала себя слабой. С одной стороны, я хотела, чтобы он пришел домой раньше. С другой, отчаянно желала, чтобы он задержался, чтобы я снова не слышала о том, что я все делаю не так. Мясо пережарила, а картофель не доварила. Я сказала, что мы вместе были четыре года? Я ошиблась. Мы ведь были вместе пять лет. То есть два. А, впрочем, неважно.

У него бизнес, а я пишу картины. Уже одно это должно было показать, что мы друг для друга не созданы. Я должна была задуматься о том, что мы слишком разные. Если он не видит результата, то он не ценит стараний. Если, черт дери, стейк я не пережарила, он уже не обращает внимание на то, что я сходила в магазин, выбирала чертово мясо, потом смотрела все рецепты, читала все советы и старалась ему угодить. Но результат не получился, да и все остальное уже не так важно. Он отчитывал меня, и я становилась маленькой девочкой, которая разбила школьное окно, и родителей вызывали к директору. Он бизнесмен, а я пишу картины. И я ценю сам процесс. Какие я выбрала краски, какую я выбрала тему. Что я вижу, что у меня получается в процессе. Да, мы были слишком разными, и я виновата в том, что не заметила этого с самого начала. Я всегда проигрывала в сравнениях. Все его бывшие влюбленности были успешными, были амбициозными, прекрасно готовили и просто обожали убираться. Я была ленивая, творческая натура, сжигала его завтрак в духовке, и от слова «уборка» у меня дергался левый глаз. Он должен был оставаться в прошлом. Он не должен был думать, что я могу ему подойти, это была такая несусветная глупость, и, конечно, я не плачу. Я опять не плачу, вы правы. Что вы говорите? Он не стоит моих слез? Да что вы знаете? Я думала, что он стоил моей смерти, а слезы это сущая мелочь, тем более что я не умею плакать. Возможно, аллергия, как же тут пыльно, кошмарно пыльно!

А знаете что? Когда мне было больно и грустно, и пусто, он никогда не обращал на меня внимания. И в эти моменты я понимала, что он не любил меня, а потом почему-то закрывала глаза. Очередная глупость, я к своим глупостям уже привыкла. А вы? Порой он сильно меня обижал, и я плакала – на балконе, в ванной, даже у него на глазах. Он всегда был так равнодушен, что тогда мне казалось, что проблема в том, что я просто слишком эмоциональная. Подумать только... мне было стыдно за мои слезы и за мои переживания. Он же так много работал, как могла я отвлекать его от дел и портить ему настроение, ведь он был таким большим человеком. Если мы с ним ссорились, он всегда припоминал мне мои ошибки. Он помнит каждый момент, когда я оступилась. Даже если я не согласна, что виновата одна, но он все запоминал и всегда был готов меня уколоть и укусить. Я старалась забыть те неприятные минуты ссор, но он всегда их вспоминал, всегда смаковал, и в них я выходила полным истеричным ничтожеством. Я, конечно, потому и стала в это верить. Нормально верить в то, о чем тебе постоянно твердят, ведь правда? Наверное, каждый мужчина слышит двести раз от своих

знакомых женщин, что их не ценят. Вы, наверное, устали? Меня не ценили. Меня не ценили. Черт дери, меня совсем не ценили.

Принесите мне еще вина. Мой рейс задерживают, я имею право на бокал вина. Нет, красного, я не желаю мешать. А когда-нибудь я напишу книгу, и в этой истории очень многие девушки узнают себя. Возможно, моя книга даже разлетится на цитаты. Хотя, нет. Я совсем не умею писать. У меня дурной слог, как будто бы у меня в школе по языкам была твердая тройка. Вы считаете, я говорю красиво? Это всего лишь вино. Я просто слишком драматична, мне кажется, что сегодня мне это идет. Понимаю, что вы обо мне думаете. Ревнивая, истеричная особа, которая не сумела загнать пол каблук молодого человека, и теперь с горя от своей несостоятельности сидит в аэропорту, напивается невкусным, полусладким вином и пытается вызвать у незнакомца сочувствие и понимание. И, правда... очень похоже. Черт возьми, я ревнивая, истеричная особа, которая требует к себе повышенного внимания. Вы извините, что вываливаю все это на вас. Зря Вы ко мне подсели. В следующий раз будете думать.

Я заболела. Правда, логичное продолжение истории? Ничего страшного со мной не случилось, нет. Просто некоторые неприятные симптомы, как следствие, плохое настроение и переживания. Боже, вы такой забавный. Нет, вы не угадали. Дело вовсе не в том, что он меня не поддерживал. Дело в том, что я решила, что нет у нас той близости и даже не стала сообщать ему о той болезни, что заставляла меня переживать. Тогда я и задумалась. Серьезно. Он не умел быть со мной, если ему было плохо. Он потрясающий человек, но я не сумела стать для него идеальной. Я и совершенно здоровая не слишком была мила его душе. Что уж говорить обо мне переживающей? Нервной. Он благороден. А почему вы так удивляетесь? После всего, что я наговорила, сложно представить его благородным? А это всего лишь эмоции. Обида на то, что я не смогла стать для него той самой идеальной. Но он действительно благороден, и ему было бы тяжело меня оставить. Я ушла сама. Я тоже благородна. Почему вы не смеетесь? Это же смешно. Я лишь хотела, чтобы его больше не было в моей жизни. Я хотела, чтобы он страдал. Я хотела, чтобы он понял, кого потерял. В то же время я хотела, чтобы он был счастлив. Черт, объявляют посадку? Это случайно не моя? Вот посмотрите мой посадочный талон. Я безумно хочу спать...

6

Каштановые волосы мирно щекочут его щеку. Плечо даже немного затекло, но он все равно старается двигаться аккуратно. Всякий раз, когда он принимает для себя более удобное положение, она недовольно сопит сквозь сон. Он даже вынужден отказаться от еды, и его утешает мысль, что впереди у него целая жизнь, и он еще успеет полакомиться едой из самолета. Она же устраивается на нем так уютно, что он даже не может посмотреть журнал, в котором написаны какие-то глупые статьи. Интересно, они специально предназначены для того, чтобы отвлекать тех, кто боится летать? Он никогда не опасался полетов, более того, он даже мог высмеивать тех, кого это беспокоило. Сейчас отчетливо вспоминает, как его жена боялась летать. Как у нее портилось настроение уже за пару дней до очередного путешествия, причем, вплоть до того, что по традиции перед каждым их отлетом она спрашивала его, а не хочет ли он отдохнуть в одиночестве, потому что она готова была ждать его дома. Почему-то это всегда его страшно веселило, и он даже считал порой, что она притворялась. Право же, что может быть страшного в полете? Все его попытки ее успокоить были тщетны. Может быть, он просто не сумел подобрать нужные слова, но сейчас ему уже плевать. Наверное, и тогда было плевать. Самым удачным аргументом он выбрал:

«Если суждено умереть, то своими страхами ты ничему не поможешь. В самолете ты в любом случае умрешь быстро».

Ее это совсем не успокаивало. Она закатывала глаза и просила его молчать и не накалять обстановку еще сильнее. А сейчас эти воспоминания вызывают у него улыбку, хотя еще месяц назад они бы отдавались болью в районе сердца. В сущности, ничего страшного не произошло, почему же его так покорило, что она ушла? Наверное, если бы тогда он знал, что судьба готовит для него второе рождение, он бы помог ей собрать вещи, довез бы до ее нового дома, пожал бы руку ее новому мужчине и они бы могли остаться хорошими друзьями. Тогда он таких возможностей даже не видел. Сегодня ему это кажется логичным. У него настолько настроение на подъеме, что даже кажется, что каштановые волосы его недавней собеседницы, а сейчас еще и соседки, пахнут очень вкусно. Или жизнь играет новыми красками, и эта эйфория для него сродни наркотической.

Девушка с несчастной влюбленностью (так он ее про себя уже окрестил, потому что она, конечно же, ему не представилась, впрочем, он видел ее имя в посадочном талоне, но «девушка с несчастной влюбленностью» ему нравилось больше, чем сухое имя Валерия) дремлет у него на плече. После последнего бокала вина, когда она встала со своего места, наверное, все выпитое ударило ей в голову, и ему пришлось практически на себе тащить ее в сторону самолета. Благо, совпадения не заканчивались и, как выяснилось, они летели одним рейсом. К слову, пока он вел ее к самолету, она несла что-то несвязное и все время извинялась за свое поведение. Ему это даже надоело. Поэтому, когда он ее усадил на место, и она уложила голову ему на плечо и сразу же отключилась, он выдохнул с облегчением. На самом деле ему больше не хотелось слушать ее истории про несчастья, а чертовски хотелось подумать о своей новой жизни. Она устроилась на его плече так нагло и так неудобно, что у него даже нет возможности хорошо ее рассмотреть. Его попытки натываются на ее явное недовольство, и он опасается, что ее может вытошнить от такого количества выпитого. Определенно, он помнит, что у нее были красивые глаза. На ней обыкновенная белая майка, такие продаются за смешные деньги в универмагах для модных и не обеспеченных. Впрочем, она может стоить как пару долларов, так и целое состояние, признаться, он не разбирается. Ноги стройные, облачены в рваные джинсы, а на ногах черные классические туфли на высоком каблуке. Незамысловато, но достаточно сексуально, как ему кажется, если еще учесть обстоятельства, аэропорт и ее алкогольное опьянение. Или просто общая атмосфера.

Она ворочается во сне и открывает глаза. Смотрит на него, прищурившись. Выпрямляется в кресле и касается тонкими пальцами висков. Он отмечает отсутствие обручального кольца. Впрочем, не показатель, он никогда не носил кольцо, даже будучи «глубоко» женатым человеком.

– У меня очень болит голова. Кажется, я отравилась.

Вымученно и сдавленно улыбается ему, и улыбка ее выходит такой извиняющейся, что он понимает, как ей неловко перед ним. Должно быть, благодарит бога за то, что больше никогда в своей жизни его не встретит. Смотрит на часы, прикидывает, сколько времени ей еще придется провести рядом с человеком, перед которым она так неловко «опозорилась». Хоть в туалете отсиживайся, только вот в самолетах в туалетах слишком тесно.

– Кажется, вы ничего не ели... Возможно, вино было некачественным, мне очень жаль, – задумчиво произносит он, специально дразня ее, и у нее возникает желание ударить его журналом. Надежда на то, что он будет вести себя как джентльмен, умирает. Впрочем, с чего она вообще решила, что этот незнакомец будет беречь ее чувства. Она откидывается на спинку, просит у стюардессы стакан воды. Он задумчиво рассматривает ее профиль и произносит, как будто бы сам с собой:

– Алкоголь это анестезия, позволяющая перенести...

– Операцию под названием жизнь. Бернард Шоу, – достаточно резко перебивает она его. Он же смотрит на нее заинтересованно, он всегда был любителем Шоу, также ему нравились девушки, у которых в голове что-то было. А, может, у нее в голове что-то было? Она поворачи-

чивается к нему, забавная, удивленная и со стаканом воды в левой руке. В ее взгляде явственно читается вопрос: «И какого черта ты на меня так пялишься?»

– Нам еще лететь целых два часа. Вы выспались, я совершенно не хочу спать. Не поговорить ли нам о Бернарде Шоу?

Она смотрит на него недоверчиво, кажется, перспективы общения не слишком ее радуют. Но, наверное, она благодарна за то, что он дотащил ее до самолета, посадил на место и любезно не будил, когда она устраивалась на его многострадальном плече. Два часа ведь, в конце концов, не так уж много?

У нее всего одна маленькая сумка, впрочем, как и у него, у каждого на это свои причины. Для нее и для него это не просто путешествие, где ты будешь вечерами примерять новые наряды и пить пино гриджио в ресторанчиках. Он не спрашивает о ее причинах, она совершенно не интересуется его. Они занимают очередь на паспортный контроль, и она сообщает ему доверительно, что ее голова почти прошла, и даже шутливо зовет его своим спасителем. Он отшучивается в ответ, и она громко смеется, у нее звонкий и приятный смех. Она говорит, что хочет курить, когда они уже выходят из здания аэропорта, и это звучит для него так, словно она хочет растянуть время и не расставаться с ним так быстро. А, может, просто он слишком много о себе думает. Его в этом, к слову, часто обвиняли. В излишней самоуверенности, а он, кстати, все время принимал это за комплимент. И сейчас он практически уверен в том, что умудрился очаровать ее до такого состояния, что она даже закурила, лишь бы растянуть время. Курит она неумело. Как будто бы переживает, волнуется. Ощущение, что она даже не затягивается. Просто набирает в рот дым и выпускает его, совершенно не жеманно.

– И где ты остановилась?

Они уже приблизительно час назад перешли на «ты». Как-то незаметно и логично. Нет, не было пошлого ощущения, словно знакомы всю жизнь, оно обычно бывает до боли обманчивым и ошибочным. Поэтому, нет, просто им надоело говорить друг другу «вы», и они решили, что уже пора упростить общение. Кто из них был первым, они сейчас уже и не скажут, впрочем, разве это важно?

– Я пока не знаю, я об этом не думала. Найду какую-нибудь маленькую гостиницу, закажу себе в номер китайской еды и посмотрю сезон какого-нибудь сериала. Посоветуешь?

Между ними ничего нет, и каждый из них думает, что и быть не может. Она совсем не в его вкусе. Он, конечно, ей не нравится. Она только вышла из неудачных отношений, и ей не до романов. Совсем не до романов. И, в общем, все равно, насколько у него красивые глаза и загорелая кожа. Сигарета заканчивается неумолимо. Она поднимает свою маленькую сумку и уже проговаривает в голове речь прощания, когда он выпаливает на одном дыхании:

– Поежинаем?

Настолько быстро, что даже сам себе удивляется. В конце концов, не нужно придумывать любовь с первого взгляда. Она красивая девушка, они неплохо пообщались, у него еще несколько вечеров впереди, прежде чем он сядет на паром. Почему бы ему не пообщаться с девушкой, с которой они уже перешли на «ты», а не пытаться искать кого-то нового для короткого общения.

– Мы оба в незнакомом городе, компания не повредит, ведь верно?

Он чувствует себя немного по-дурацки, зачем он ее приглашает, ведь она ему даже не нравится. Она вообще достаточно заносчивая и странная. Может, ему и не понравится проводить с ней вечер. Что за глупая попытка зацепиться за единственного знакомого человека. Да после этой своей фразы он бы даже был не против, если бы она отказалась, он уж точно не стал бы ее уговаривать. Повесил бы на нее ответственность за то, что они так просто распрощались и даже и думать бы о ней забыл. Точно. Она снова перекидывает волосы на одно плечо.

– Встретимся около твоего отеля в восемь?

Она так легко и просто соглашается, что он слегка удивляется. Называет ей адрес своего отеля, несмешно шутит на тему того, что женщины любят опаздывать. Она как-то горько говорит, что опаздывать не умеет, и он отмечает про себя, что в некоторые моменты у нее серьезные проблемы с чувством юмора. Она ловким движением руки останавливает такси и усаживается на заднее сиденье. И уже перед тем, как уехать, открывает окно и улыбается ему: – Только без красного вина.

Он уверяет ее, что они пойдут в самое безалкогольное место во всем городе, и даже если она будет умолять о бокале, его невозможно будет сдвинуть с мертвой точки. Она как-то горько усмехается и закрывает окно. Несчастливая влюбленность. Конечно, ей не просто. Он готов направиться в номер своего отеля прямо сейчас. Его ждут теплая ванна и вечером ужин. С незнакомкой. Он мог бы даже назвать ее прекрасной, если бы она не была такой занудной.

Она быстро находит отель и устраивается на кровати, устало вздыхая. Как бы там ни было, похмелье дает о себе знать. В мини баре находит холодную газированную воду, сначала прижимает ее к разгоряченному лбу, потом делает щедрый глоток. На ее мобильном неотвеченные звонки и неотвеченные сообщения. Даже несколько от него, несколько от брата и совершенно неважные от ее мобильного оператора. Короткого взгляда на телефон достаточно, чтобы зацепить взглядом:

«Бред, сошла с ума, решай сама, твои припадки надоели...»

Дальше она даже не читает и просто пробегает глазами по прощанию, в этот момент сердце неприятно сковывает, но ничего страшного. Она делает еще глоток воды, так, просто промочить горло, а на глаза предательски наворачиваются слезы. Он знает ее настолько хорошо и так мастерски ее подавлял, что даже сейчас она думает, может, действительно, вина на ней. Может, действительно, эти ее действия не что иное как обыкновенный бред. Он всегда был настолько уверен в своей правоте, что она начинала сомневаться в собственной адекватности. Она падает на кровать и смотрит в потолок, думает, что противнее: принятое решение не отвечать на звонки и сообщения или то, что он не слишком стремится разрывать звонками ее телефон. Что она вообще ждала? Он ведь даже не умел извиняться, она не может вспомнить ни одного раза, чтобы он попросил у нее прощения. Попытка вспомнить, почему она его даже в такие моменты оправдывала и пыталась понять, сейчас также терпит фиаско. Если он повышал на нее голос, то после с невозмутимым видом говорил ей, что если бы она его не доводила, то он бы этого себе не позволял. Если бы она застала его с другой в постели, он бы парировал, что нечего приезжать домой без звонка. И она бы действительно корила себя за глупость.

Почему так сложно принять новую жизнь – она ведь должна радоваться? У нее вечером вообще сегодня практически свидание, можно и так сказать. Она улыбается этой дурацкой мысли. Правда, почему-то вскакивает, роется в своей маленькой сумочке и, конечно, понимает, что ей даже не во что переодеться. Она не могла предвидеть того, что ей захочется кому-то понравиться хотя бы немного. Она смотрит в зеркало и на часы, у нее еще есть некоторое время. Она спустится вниз, в магазин комиссионной одежды, а пока изучает мешки под глазами и решает, что ей не повредит принять ванну. Дурная привычка рассчитывать все вплоть до минуты, поэтому она ставит телефон в режим будильника. По крайней мере у нее есть возможность расслабиться на десять минут, если повезет, то и на пятнадцать.

Теплая вода приятно обволакивает тело, она уходит под воду с головой, проводит ладонями по мокрым волосам и трет глаза. Еще пара минут, прежде чем она спустится и купит какое-нибудь платье для сегодняшнего вечера. Маленькое, чтобы можно было подумать, что она привезла его с собой в маленькой сумочке, а не стыдливо бегала по магазинам, чтобы произвести впечатление. Она слишком много думает об этом незнакомце из самолета. Конечно, это нужно прекратить.

Он опаздывает, она слегка раздражена, на улице слишком ветрено. Он заснул прямо в ванной, очнулся от того, что начал мерзнуть, потому что вода, конечно, не собиралась подыг-

рывать ему в его сонливости и остыла. Он даже не сразу понял, где находится, и почему так холодно и мокро, встрепенулся, выскочив из ванны, даже поскользнулся и чудом не повредил связки на ноге. Бросил взгляд на часы и понял, что уже умудрился опоздать на «свидание» на десять минут. В общем, не смертельно. Если ты не стоишь у окна голым, растерянным, и если это действительно свидание, а не обычный ужин с девушкой, имени которой ты даже не запомнил. Он стоит как вкопанный, а время между тем неумолимо движется вперед, вот уже он опоздал на двенадцать минут, и стоит благодарить самого себя за то, что ему нужно только одеться и спуститься, а не тащиться на другой конец города. Как чувствовал, когда эгоистично выбирал место около своего отеля. У него ведь даже нет номера Валерии, чтобы предупредить, что у него отключили воду в номере, или захлопнулась дверь, и поэтому он слегка опоздает. Может, это и хорошо: если он не будет ей врать, то не испортит свою и без того не самую светлую карму.

Одевается он очень быстро, буквально на ходу натягивает на себя брюки, достает свежую майку из сумки и придирчиво рассматривает отражение в зеркале. Майка слишком мятая, он не слишком умел складывать вещи аккуратно, обычно этим занималась его жена, но сейчас у нее были уже другие дела. Сейчас ей было не до него, но сегодня, как и вчера, его это не волновало. Он руками прямо на себе разглаживает футболку, выходит, конечно, не слишком хорошо, поэтому бросает на половине пути. Волосы влажные. Еще один взгляд на часы – он опоздал уже на шестнадцать минут. Если точность – вежливость королей, то он, точно, очень далек от королевской семьи.

Она уже начинает замерзать, когда видит его, бегущего напрямик к ней. Замечает, что у него влажные волосы, и это вызывает у нее улыбку. Она напускает на себя строгий вид.

– У меня сначала отключили воду в номере, а потом захлопнулась дверь, – виновато улыбается он.

Она склоняет голову набок, щурится недоверчиво:

– Если у тебя отключили воду, то как же ты умудрился намочить волосы?

Зачем-то она проводит по его мокрым волосам рукой, неловко осекается, это какой-то непредвиденный жест, который, конечно, нужно перевести в шутку. Он и сам, кажется, чувствует себя неуютно, но не может не признать, что ее прикосновение не вызывает у него неприязни.

Как же везёт мужчинам. Когда он смотрелся в зеркало, его все устраивало, и он собрался за четыре минуты. Она же, купив черное платье выше колен, сначала долго смотрела на платье, затем рассматривала платье на себе, а потом и вовсе решила пойти в джинсах. Конечно, тут же решение изменила и вертелась в платье перед зеркалом, рассматривая свою фигуру со всех сторон. Она стройная девушка, может, даже излишне худая в некоторых местах, ей всегда хотелось быть более «аппетитной». Она вообще никогда не была фигуристой девушкой, такой, стандартной, скорее. После всех переживаний относительно его и своего здоровья ключицами вообще можно было резать листы бумаги, а колени были острыми, словно бритвы. И вроде как эта худоба ей шла, но сейчас что-то все в облике не устраивало, женщины поймут. Он и повыше поднимала платье и, наоборот, пыталась практически натянуть его на острые колени. Вырез слишком глубокий, хорош для тех, кому есть, что показать. Она отвлечёт внимание кулоном, кстати, его подарком. Подарком Романа. За каким чертом она все еще носит этот кулон, который ее иногда даже обжигает. Как и равнодушный взгляд Романа. К причёске. Распущенные волосы её раздражают, к тому же сейчас они уже далеко не такие пышные, как были раньше. Никто не замечает, но она-то знает. Она распускает волосы, собирает в хвост, снова распускает. Выругивается вслух. Какая разница, в конце концов? Она не должна так много внимания уделять желанию понравиться ему. Это какая-то глупость. Она не будет поддаваться искушению. Всего лишь взмах щёточкой с тушью и бесцветный бальзам для губ, инфантильно пахнущий клубникой. И, конечно, улыбка. Улыбаться надо уверенно. Она не влюбилась в него

с первого взгляда, чушь. Просто она женщина, он мужчина, привлекательный мужчина, это ведь нормально, что ей бы хотелось увидеть его восхищённый взгляд. Она вообще никогда не верила в любовь с первого взгляда, а если сейчас ей кажется, что она вроде как уже его знает, всего лишь издержки... всего лишь издержки.

7

– Ты был женат? Никогда бы не подумала.

– Это комплимент или мне следует оскорбиться?

– Прими это как факт. Ты совершенно не напоминаешь мужчину, который был в браке.

Теперь мне интересно, какая она.

Она, как и обещала, не притрагивается к вину, он же пьет коктейль забавного цвета, который смотрится очень необычно в компании такого мужественного мужчины, как он. Она даже хмыкнула, когда перед ним поставили бокал с ярко-зелёным зонтиком. Он пожал плечами и пустил в стакане пузыри трубочкой. Она расхохоталась.

– Моя жена замечательная. Умница, красавица и зануда, каких свет ни видывал. У неё получалось все! Честное слово, за что бы она ни взялась, у неё не было никаких проблем быть лучшей. Она обыгрывала меня в боулинг, знала три языка и ладила с моими родителями, с которыми не ладил я сам. Как же она кичилась своим величием, и как это ей шло.

Коктейль разливается внутри него приятным теплом и даже воспоминания о его жене становятся мягкими и тёплыми. Как коктейль неестественного цвета. Он о ней и не разговаривал с того самого момента, как она собирала вещи и пыталась сделать очень сострадательный взгляд. И тогда, пребывая в отчаянии, он даже увидел в её тёмных оленьих глазах сочувствие. Сейчас он понимает, что она была равнодушна, как никогда. Женщины становятся самыми бессердечными существами на планете, когда принимают решение уйти.

– Лучшая ученица в школе, затем студентка, на которую равняются. Она умела петь и кокетничала в караоке, что у неё нет слуха. Она так привыкла быть лучшей, что не воспринимала те виды деятельности, в которых могла кому-то уступить. Подозреваю, что она никогда не смотрела со мной футбол по этой причине. Просто потому, что не смогла бы в него играть и поэтому называла глупым видом спорта. Миниатюрная как Дюймовочка, она обожала йогу и все время пыталась меня туда затащить. Пару раз я пытался, скажу честно, чуть не умер от смеха и не понимал, почему все сидят с такими серьёзными лицами. Моя жена была в первых рядах, правда, к её взгляду добавилось: «Ты безнадежен». Она все время закатывала глаза. Знаешь так... Раздражающе. Она ставила себя выше других, она разбиралась в музыке, искусстве, кино, она разбиралась, черт возьми, во всем. Если кто-то не разделял её взглядов, она поднимала одну бровь, вроде бы мягко спрашивала, в чем причина, но весь её облик кричал о том, что ей плевать. Она могла унижить оппонента одним взглядом, даже если оппонентом был, к примеру, я. Нетерпимая. Категоричная. Надменная.

Она слушает заинтересованно и внимательно, даже отвлекается от морковного торта. Пытается понять, какие эмоции испытывает по отношению к его жене. Мисс безупречность и в то же время мисс сноб. Конечно, эти два качества всегда находятся рядом. Но что она чувствует по отношению к миниатюрной любительнице йоги?

– Она много читала и таскала меня по книжным. Я любил засыпать, когда она читала вслух. Она готовила очень вкусную яичницу, и в доме всегда был запах живых цветов, потому что однажды она прошла курс флористики. Она собирала кепки и клеила на холодильник смешные стихотворения. Она любила все новое и не могла усидеть на месте. Она могла прийти домой и сказать, чтобы я собирал вещи, потому что мы едем в Амстердам. Потом сообщить с улыбкой: «Шутка». И добавить: «Вещи не собирай, мы едем в Амстердам налегке». У неё были бомбочки для ванны. Она собрала все вещи, кроме этих пахучих бомбочек. Они так и

остались лежать там, напоминая о её запахе. Она ненавидела загорать. Она покупала картины неизвестных художников. Она кормила бездомных собак с ладони. Она...

На улице уже темно. Официанты тоже хотят домой и смотрят на них робко, но в их взглядах ясно читается, что они были бы не против, если бы им можно было закрыть ресторан и уйти. Морковный торт закончился. Кухня закрыта, да и заказать уже было нечего. Клубничный бальзам на губах уже давно исчез.

– Как же я её любил...

У него немного гудит голова и немного стыдно за то, что почти весь вечер он вещал о своём прошлом. Хотя он гонит от себя эти мысли, она ведь в аэропорту рассказывала о себе, вчера была его очередь. Конечно, она как-то очень быстро убежала, когда их все же почти выгнали из ресторана. Зевнула, сказала, что устала и хочет спать, и быстро запорхнула в такси, помахав ему рукой на прощание. А, может, он хотел гулять по мостовой и любоваться звёздами? Ну, конечно же, нет. Он и сам устал после перелёта. Ему нужен был отдых. К тому же, он все же не совсем здоровый человек. Пока. Пока не совсем здоровый и это «пока» согревает его душу.

Холодный душ, завтрак в отеле и вся жизнь впереди. Он решает прогуляться по городу, пьёт кофе в небольших кафе на улицах, рассматривает карту и немного себя в витринах. Он неплохо выглядит. Подтянутый и смуглый, даже не такой усталый и измученный, как перед отлетом. И голубая футболка ему идёт, а джинсы и вовсе делают его моложе на пять лет как минимум. Ему даже улыбаются официантки, это признак того, что он ещё даст фору. По возвращении он решает заняться спортом вплотную. Плечи хотелось бы пошире, руки посильнее. Когда судьба даёт тебе второй шанс, его надо использовать по полной. А ещё он выучит итальянский язык, причём не только ругательства. И посетит Саудовскую Аравию. Может, даже усыновит ребёнка. Или это уже совсем его куда-то понесло? Научится экстремальному вождению. Обязательно. Прыгнет с парашютом, как бы ни боялся высоты. А, может, он и не боялся? Вообще, какие у него есть фобии? Если он боится змей, то купит себе змею и будет кормить ее мышами. Если он чистюля, то пойдет в поход без душа и без туалета. Он покорит Эверест. Как он себя, оказывается, плохо знает. Он даже не может точно сказать, какие у него есть фобии. Для начала нужно узнать себя, потом испытать себя. Черт возьми, какая интересная жизнь его ждет. Он не знает своих возможностей, не знает своих страхов, толком не знает своих желаний. Как он вообще умудрился прожить такую не короткую жизнь. И понятия не имеет, кто он вообще такой.

Мимо него проходит пожилая женщина, смотрит подозрительно, он и сам понимает, что все это время просто стоял и смотрел на себя в витрине, рассуждая про себя о том, чем он займется, когда снова задышит полной грудью. Он улыбается ей обворожительно, наверное, она решила, что он переборщил с психотропными. Пожилая женщина проходит мимо, а он еще раз себя рассматривает. Парашют это, конечно, хорошо, как и идея завести змею. Но для начала спортзал и плечи шире. А не купить ли букет цветов? Да нет, не потому что она ему нравится, хотя она выглядела очаровательно в этом черном платье и с убранными волосами, которые не отвлекали от ее ярких глаз. Просто она так любезно слушала его бредни на протяжении всего вечера и даже согласилась встретиться с ним сегодня еще раз поужинать, но теперь уже ему бы хотелось послушать о ней. Наверное, она заслужила букет цветов. «Заслужила» – какое дурацкое слово. Он даже останавливается около продавца цветов и даже изучает ассортимент. Он не на свидание собирается, и она ему даже не нравится. Это все эйфория. Ему кажется, что он готов обнять весь мир и даже эту девушку из аэропорта, пусть с красивыми глазами, но он никогда не отличался влюбчивостью и излишней доверчивостью к людям. Не очаровывался он с первого взгляда.

Исключением разве что была его жена, и то он, скорее, заинтересовался ее необычностью, нежели чем-то другим. Влюбился он в нее уже потом. Возможно, даже в тот момент, когда она

собирала свои вещи, может, раньше, какая сейчас, в сущности, разница? Он уходит от цветов, покупает сэндвич прямо на улице. Ему улыбается красивая девушка, он ей подмигивает. Приятный ветер треплет его волосы. А, может быть, он вообще никогда не любил свою жену? Может быть, он любил ее необычность и безупречность и гордился тем, что такая девушка выбрала его. Впрочем, ненадолго.

Теперь уже ей можно опоздать, хотя она всегда была пунктуальной. Они договорились встретиться сегодня в центре города, она направляется к такси, но в последний момент заворачивает за угол. Набирает номер. Слушает автоответчик, приятный мужской голос, низкий и с легкой хрипотцой. Она нервно и раздражительно стучит пальчиками по аппарату мобильного телефона.

– Эй, это я. Ты прости меня, у меня действительно не было иного выхода. Я знаю, что ты скажешь, что я просто слабая и решила пойти легким и подлым путем. Да, я отлично тебя выучила. Просто наизусть. И я знаю, что сейчас ты качаешь головой, кривишься и закатываешь глаза. А сейчас ты усмехаешься, потому что поймал себя на том, что я действительно права относительно твоих действий. Я заберу остаток вещей, когда вернусь. По возвращении. Надеюсь, что они тебе не мешают. Мои принадлежности для ванной можешь смело выкинуть, знаю, что они тебя всегда раздражали, а мне они уже не нужны. Я куплю для себя новые. Тебе это неинтересно, конечно же, просто я не знаю, зачем я позвонила. А паузы тебе не нравятся, ты все время говорил, что я делаю слишком много пауз. Я сейчас набираю в грудь больше воздуха, поэтому будет пауза. А я читаю ту книгу, которую ты мне посоветовал. И хочу закончить твой портрет. И еще много чего. Хочу.

Закончить. А здесь прекрасно, кстати. Солнце светит, но не жарко, как раз такая погода, которую я люблю. Ты всегда любил более теплую погоду, поэтому нам было сложно путешествовать вместе. Хотя, что это я? Я все равно была с тобой самая счастливая, даже когда была вынуждена прятаться от солнца под большим зонтом. И я думаю: «А пошла бы я на это снова сейчас?» Жертвовать своими желаниями ради тебя. Да, думаю, что пошла бы. У меня не было другого выхода. Я не драматизирую, как ты думаешь. Ты был против всех моих решений. Может быть, ты был прав. Не слушай дальше. Пожалуйста, выключай автоответчик. Выключил? Я люблю тебя. И я... скучаю.

8

– А как была создана лаборатория?

Вообще в правилах также прописано, что нельзя задавать лишних вопросов, но откуда ему знать, что это лишний вопрос или наоборот? Не попробовав – не поймешь. Не то чтобы его это действительно сильно волновало, просто нужно как-то завести разговор и подтолкнуть красивую женщину со строгим лицом к тому, что ему действительно важно знать. Она, кажется, уже избегает его, хотя, скорее всего, он просто слишком много думает.

– Никто не скажет точно сейчас. Наверное, возникла идея, у многих появлялась такая идея, это нормально. И многие старались сделать нечто похожее на нашу лабораторию, но терпели фиаско. У наших создателей получилось, а мы сейчас лишь продолжаем их начатое дело. Наша задача ничего не испортить, а не задавать вопросы: отчего все пошло и кто во всем замешан.

Она слегка раздражена, правда, совсем слегка. Возможно, ей тоже хотелось с кем-то поговорить, потому что он видит, что раздражается она не на него. А, скорее, на тех, кто заставляет их молчать, кто заставляет их отсеивать несчастных людей, кто заставляет их находиться в этой лаборатории как в клетке и не всегда радоваться собственным решениям. Может быть, ему кажется, потому что очень хочется увидеть в ее лице своего союзника. Или увидеть своего союзника хотя бы в ком-то. Она встряхивает волосами. У нее строгая короткая стрижка,

которая очень подходит к ее серьезному лицу. Ей около сорока-сорока пяти лет, и она всегда выглядит так элегантно и стильно, что он даже немного по-юношески замирает. Порой она щурится, но чаще носит очки. Ему кажется, что ей идет щуриться. Она, видимо, его мнение не разделяет и старается не снимать элегантные очки. У нее светлая кожа, и как-то он услышал, что она говорила кому-то по телефону, что старается не загорать, потому что боится вируса. И это было так забавно слышать. Она занимает не последнее место в лаборатории, которая борется с Вирусом Т, чумой нового времени, причем, борется успешно и опасается заболеть.

– То есть мы не знаем ни имен, ни фамилий...

– Мы? Кто-то, может быть, и знает, но меня это не касается. Тем более не касается тебя, Алекс, – быть может слишком резко отвечает она.

Он криво усмехается, потому что совсем не считает, что его это не касается. Впрочем, «лезть в бутылку» он не собирается, поэтому отмалчивается. Она считает его наивным мальчишкой, который таскается за ней из-за своего излишнего любопытства. Конечно, ее это нервирует, порой до такой степени, что она жестом приказывает ему молчать и просто удаляется. Когда у нее неплохое настроение, она даже отвечает на вопросы, а как-то и вовсе сказала, что он хорошо работает, что для него было высшим комплиментом, потому что ему и было нужно, чтобы она прониклась к нему хотя бы каким-то доверием. Он протягивает ей пластиковый стаканчик с кофе, он даже успел заметить, что она всегда пьет кофе без сахара, и добавляет совсем немного сливок. Он готов поспорить, что она польщена, но виду не показывает. Благодарит его сухо, он на другую реакцию, впрочем, и не рассчитывал.

– С другой стороны, это, и правда, неважно. Простое любопытство, порой хочется знать больше о том месте, в котором работаешь.

Он снова старается получить от нее понимание и поддержку, хотя бы во взгляде. Но она смотрит на него с задержкой. Глаза под ее стильными очками кажутся даже более яркими и светящимися. Честно, ему даже нравятся ее глаза, строгие, умные и очень усталые. Она так много работает. Она так сильно устает.

– Вам нравится ваша работа? – вдруг задает он вопрос, и она задумывается. Отпивает кофе из принесенного им стаканчика. Теперь еще и удивляется, что он запомнил, что она пьет кофе без сахара. Смотрит на него другим взглядом всего лишь долю секунды. Раньше она смотрела на него как на надоедливую юнца, сейчас, всего лишь пару секунд назад, она посмотрела на него как на человека, с кем можно поделиться сокровенным, что она не всегда довольна своей работой.

– Конечно, нравится, – отрезает она, и он понимает, что для откровений еще не время. Для устных откровений, потому что тот ее взгляд был столь красноречив, что уже дал ему ответ.

9

– А теперь опоздала я. Но мне даже не стыдно, и я не буду извиняться.

Она улыбается озорно, и ему кажется, что он впервые не замечает какой-то привычной задумчивой сосредоточенности в её взгляде. Как будто бы она позволила себе немного расслабиться.

– Я хотел купить тебе цветы, но не понял, свидание у нас или нет, и поэтому решил не тратить попусту деньги.

Пожимает плечами он, а она громко хохочет. Значит, не свидание, раз такие его слова ничуть ее не задели. И хорошо: они так мало знакомы для эйфории, которая продлится недолго. Кстати. Кроме того, требуется накачать в спортзале идеальное тело и прыгнуть с парашютом, и еще он принял решение, что встречаться будет только с моделями, причём самыми красивыми и самыми глупенькими. Чтобы у них не хватило ума даже на то, чтобы от него уйти. Комплексы,

скажете? Нет. Просто он может себе это позволить, зачем искать богатый внутренний мир, если можешь позволить себе безупречную красоту и молодость? Она щёлкает пальцами перед его лицом, наверное, глупое у него было выражение лица, когда он думал о красивых моделях. Хитрая усмешка на её губах подтверждает его догадки. Нет, определённо, больше никаких женщин, которые умеют думать. Они сами себе враги – что уж говорить о нем?

– Может быть, пройдемся? – **предлагает** она, и он кивает удовлетворенно. Словно с языка сорвала. В такую погоду не хочется сидеть в душных ресторанах, даже если они не такие уж и душные.

– А почему вы расстались?

– С кем?

– С твоей женой. Наверное, нетактичный вопрос?

Он опускает взгляд, все же слишком много вчера болтал о своей жене. Бывшей жене. Не то чтобы он хочет закрыть свою душу, но они знакомы так мало, и открываться тоже не хочется. Его внутренне разрывает на части, одна из которых твердит, что этой девушке можно доверять, да даже если и нельзя – какая разница? Другая часть говорит, что это его личное дело и делиться им не самое лучшее решение. Да и не расставался он с ней. Это она рассталась, а он лишь согласился с её решением, пусть и не сразу. Пауза длится слишком долго, и она смотрит заинтересовано и выжидающе. Он ненавидит такого рода взгляды, они не предвещают ничего хорошего.

Он садится прямо на мостовую и вытягивает ноги. Снимает с себя куртку и кладёт её рядом с собой, похлопывая по ней и приглашая присесть. Она не мешкает долго, усаживается рядом с ним. Он достаёт из бумажного пакета шоколадные конфеты, которые они купили на углу, и протягивает одну из них ей.

– Она устала от меня. Я стал невыносим. Постоянно её контролировал. Перепады настроения. Я мог нахамить ей, а потом не выпускать на улицу из опасения, что она меня бросит. Наверное, я чувствовал, что она скоро от меня уйдёт. И это сводило меня с ума. У меня постоянно болела голова, и я все время ныл о том, как я несчастен. Она приходила в спальню, а я смотрел в потолок, и не дай бог ей было спросить, как я себя чувствую. Меня ничто не радовало, и говорил я только о плохом. Мне всюду мерещились заговоры, я завидовал даже бездомным собакам. Я ненавидел эту жизнь и ненавидел её за то, что она смела радоваться ей. Меня бесило, если она смеялась, я стал раздражаться от её встреч с подругами. Ей с ними было хорошо. А со мной ей было тяжело, и она меня избегала. Да я бы и сам себя избегал. Но тогда меня это задевало, я ходил с ума от злости. Все её попытки меня раскочегарить и помочь мне наткнулись на то, что я просто посылал её к черту и требовал, чтобы она не лезла в мою жизнь. Она стала проводить со мной меньше времени – все время дела, все время встречи. Потихоньку перевозила свои вещи из нашей квартиры в свою. Я орал, что она предательница. Что она дрянь. Корыстная стерва, которая бросает меня в тяжёлое время. А потом все. Я валялся в ногах и обещал бороться и за себя, и за нас. Она переступила через меня в прямом смысле и захлопнула входную дверь.

– Ты должно быть ужасный человек, Константин. Тебе надо запретить заводить отношения.

Она пытается разрядить обстановку этой неуклюжей шуткой. Он усмехается на один бок, ему очень идёт такая усмешка, к слову. Он выглядит печальным, но как-то светло печальным. Не отчаянно. Так обычно вспоминают о первом поцелуе или первой любви, понимая, что больше это не повторится. Она украдкой изучает его лицо, пока он молчит. Хорошо, что на улице уже темно, и он не заметит. Или сделает вид, что не заметит. Он действительно красив. Словно высеченные из дерева черты лица, острый нос, тонкие губы. Пушистые ресницы. Почему мужчинам так везёт с ресницами? Смуглая кожа, не загар из жарких стран, а именно

смуглая от рождения. В воздухе витает что-то, что заставляет её думать о нем как о привлекательном мужчине. Она даже задумывается: а как пахнет его кожа.

– Да, она долго держалась... Будь я на её месте, я бы выдержал неделю, а потом даже вещи собирать бы не стал.

Их взгляды встречаются. Она хочет задать вопрос. Он хочет ответить. Они оба замирают. Он ждёт. В его глазах ясно можно прочесть: «Ну, давай же. Спрашивай. Я готов».

– Похолодало или мне кажется?

Она задаёт вопрос, но, конечно, не тот, что витал в воздухе. Наверное, в темноте не слишком хорошо видно его глаза.

– Может, пойдём ко мне в номер? У меня в мини баре есть вино...

– То есть ты думаешь, что я давно не напивалась и не мучила тебя своими историями? Или это такой способ напомнить мне о моем позоре?

Он не успевает ответить, потому что её мобильный телефон издаёт очень настойчивые звуки, которые могут означать лишь входящий звонок. Она делает вид, что ничего не происходит. Только как-то суетливо поднимается:

– А вообще, я бы с радостью выпила вина из твоего мини бара.

Она накрывается белым одеялом практически с головой.

Приподнимается на подушках и осматривает номер. Он устроился в кресле около окна. Она даже морщится: он спит в столь неудобном положении, что завтра у него будут болеть спина и шея, не нужно быть доктором, чтобы это понимать. Всюду валяются маленькие бутылки, пустые. Видимо, вином дело не закончилось, в ход пошёл джин, а потом виски. Почему она чувствует с ним себя так спокойно и комфортно? Это ее нервирует. Она помнит, как звонил её телефон, и как он порывался выкинуть его в окно или ответить на звонок. Наверное, уже после виски. Она выключила телефон, а сейчас хватает его с прикроватной тумбы. Нет, она включит его утром. Сколько можно быть зависимой? А вдруг звонил её брат, он всегда так волнуется за неё. Все утром. Она садится на кровати. Распускает волосы, чтобы не собирались в колтуны.

Она больше не спрашивала про его жену, а он не интересовался её отношениями. Они говорили о Бернарде Шоу и о том, какая им нравится музыка, и, конечно же, как назло выяснилось, что их музыкальные вкусы совпадают. Они хотят посетить одни и те же страны. И не понимают всеобщих восторгов по поводу модных нынче фильмов. Практически хором произнесли «черно-белое кино», когда говорили о любимых фильмах. Он изображал Ретта Батлера, когда она сказала, что в детстве была в него влюблена и ревновала к Скарлетт. Она смеялась до слез, но это тоже виски, скорее всего. Она не понимает, как можно предавать такого человека, как он? Он весёлый, он интересный, относительно внимательный, не до зубного скрежета говорит комплименты, аккуратные и не пошлые. Признает, что у него сложный характер и не пытается понравиться всем. Спокойно говорит, что может быть подонком, и так же играючи признается в своих слабостях. Прибавить к этому низкий приятный голос, привлекательную внешность, отличное чувство юмора и все. Пиши пропало. Она даже сама себя сейчас ловит на мысли, что беспардонно его рассматривает и почему-то глупо улыбается. Скидывает с себя наваждение встряхиванием головы. Виски начинает ломить. Воздуха не хватает. Она делает глубокий вдох. Укутывается в одеяло и бесшумно, как кошка, подходит к нему. Мягко проводит тыльной стороной ладони по щеке с трёхдневной щетиной. Как же такому типу мужчин идёт щетина! Он открывает один глаз.

– У тебя завтра не разогнётся спина. Иди на кровать. Я обещаю, что не буду приставать.

Он что-то ворчит, ещё не до конца проснувшись. Но послушно, как щенок, следует за ней и буквально падает на кровать.

– Спасибо, удивительная девушка, – мурлыкает он сквозь сон и в эту же секунду засыпает. Даже его сопение кажется очаровательным. Она включает телефон. Брат. Печатает сообщение:

«Все в порядке. Не переживай. У меня все в порядке. У меня всегда все в порядке».

10

А я когда-нибудь тебя устраивала? Я слышала от тебя что-то хорошее? Ты помнишь, как я написала картину и ждала тебя с нетерпением, чтобы её показать. Ты был не в настроении, я понимаю, но, может, у тебя никогда не было настроения рядом со мной. Я тогда сорвала белое полотно с картины, она, правда, казалась мне стоящей, и я была страшно горда собой. Я даже застыла в ожидании. Что ты сделал? Сказал, что слишком много красного и ушёл в ванную. Ты уходил по короткому коридору, набирая номер своего приятеля/партнёра/любовницы, а я смотрела тебе вслед и не могла поверить, что это ты и что это происходит со мной. Я села на пол под своей картиной и слушала, как шумит вода в ванной и звуки твоего голоса. Ты смеялся, кашлял, что-то напевал. Я сидела, не шевелясь, и думала о твоём плохом дне. О том, что сейчас ты выйдешь из ванной, обяжешь бёдра полотенцем, ты всегда таким образом любил демонстрировать идеальный торс и татуировку на всю спину. А я любила водить пальцами по очертаниям крыльев дракона, выбитых на твоей коже. Я думала, что ты выйдешь из ванной, и мы попробуем снова. Ты скажешь, что моя картина хотя бы неплоха, что я, черт дерь, молодец, произнесешь слово «извини», скажешь, что не хотел быть со мной резким. О чем я думала – ты ведь никогда не извинялся. Я сидела и смотрела на дверь. Под картиной, на которой было слишком много красного. А ты так долго мылся. Шум воды меня успокаивал, и одновременно мои руки тряслись от нервов. У меня затекли ноги. Мне кажется, я даже не моргала. Когда вода прекратила бежать, я услышала, как дверь распахнулась и вся внутренне и внешне напряглась. Я ждала. Ты вошёл в комнату, что-то напевая себе под нос. Кажется, Скорпионс. Ты прошёл мимо к окну:

«Погода портится. Поеду встречусь с...»

С кем, я уже не слышала. У меня внутри что-то оборвалось, мне показалось, что звук рвущейся нити отскочил от стен прямо тебе в уши. Ты повернулся. Посмотрел прямо на меня. Я как ребёнок мысленно протянула к тебе руки.

«Ты, что, курила?»

Да, ответ тебе был не так интересен. Я провожала тебя взглядом, как кошка. Следила, как ты надевал рубашку, застёгивал пуговицы. Смотрелся в зеркало. Следила за твоими плавными и отточенными движениями. Сколько раз я видела, как другие женщины не могли оторвать взгляда от этих твоих спокойных и хищных движений. То, как ты смотришь на телефон, крутишь дорогие часы на тонком запястье. Пальцы пианиста и натренированная широкая спина. Светлые глаза и ёжик каштановых волос. Ты всегда напоминал мне героя боевиков, но я никогда не была девушкой Бонда. Ты одними губами послал мне поцелуй уже у дверей. Я не помню, нашла ли я в себе силы улыбнуться в ответ. И сколько я плакала, я тоже не помню, самой противно себя жалеть. И помню, как картина, на которой было слишком много красного, летела вниз с балкона. Кстати, кажется, бездомные кошки не имели ничего против красного. Он был бордовым. Бордовым. Это в наших с тобой отношениях было слишком много. Красного.

11

Он хмурится от солнца, которое ласково заглядывает в окно. Противное светило. Открывает один глаз, потом другой. Смотрит на соседнее место на кровати, пусто. Осматривает номер. Только последствия вчерашней вечеринки: пустые мини бутылки и упаковки от орешков и чипсов. Её нигде нет, и вода не шумит, значит, не в ванной. Он поднимается, чтобы задернуть шторы, и дверь в этот момент распахивается.

– Я думала, что я люблю поспать, но ты чемпион. Отдаю пальму первенства тебе. Я принесла завтрак, это все, что у них было. У тебя нет аллергии на яйца?

Она ставит поднос прямо на кровать и забирается на неё с ногами, непосредственно устраиваясь в позе лотоса. На подносе все виды яиц, которые только готовятся на завтрак в этом отеле, немного овощей, сыра и ароматный растворимый кофе. Она открывает маленькую баночку сливок, слизывает кончиком языка капельку с крышки и выливает в кофе. И как ей удаётся быть такой бодрой с утра пораньше? Хотя она вроде бы более бледная, чем вчера, и кажется усталой, несмотря на быстрые и суетливые движения. Или это ему просто кажется. Наверное, он сам сейчас бледный и усталый и не хочется «наслаждаться» этим состоянием в одиночку.

– Тебе снились страшные сны? Ты пару раз так вздрагивал во сне, что я испугалась.

– А ты разговорчивая с утра пораньше. Я сделаю глоток кофе и догоню тебя в красноречии.

Он садится рядом с ней, а она делает пальцами жест, словно закрывает рот на молнию. Он отпивает кофе и еле сдерживается, чтобы не выплюнуть его обратно в чашку.

– Где ты взяла эту дрянь? Невозможно пить!

Она задумчиво крутит чашку в пальцах, пожимает плечами:

– А мне нравится. Я иногда люблю выпить дешевое пойло или съесть самый вредный фастфуд. Чувствуешь себя живой. Да и вкусно, не капризничай.

Он смотрит на неё с лёгким недоверием, но не как на сумасшедшую. Даже пытается распробовать кофе, а она между тем хлопает в ладоши. Так резко, что он почти проливает на себя кофе. И кофе не жалко, а вот белоснежные простыни жаль.

– Кстати, о фастфуде. Я видела здесь на углу потрясающее место с отменными бургерами. Не смотри на меня так. Это самая лучшая похмельная еда, а ты не посмеешь утверждать, что у тебя нет похмелья.

– А ведь ты была права. Я чувствую, как во мне просыпаются силы от этой котлеты. Наверное, в неё добавили туалетную бумагу. Настоящее мясо так не пахнет.

Она шуточно бьет его в плечо кулаком, вполне наслаждаясь своим бургером. Кстати, он тоже больше выпендривается, потому что выглядит вполне довольным жизнью и уплёл своё кушанье в два раза быстрее, чем она. Но она решила не указывать ему на это, пусть тешит себя надеждами, что он весь из себя эстет. Они не говорят серьёзно о вчерашнем. В шуточной форме, впрочем, нет необходимости молчать, между ними как-то так получается, что нет напряжённости. Это нравится и удивляет её. Это расслабляет и привлекает его. Уже завтра ему садиться на паром до пункта назначения. Глупо, что ему не хочется с ней расставаться. Глупо, что он так и не знает, почему она оказалась в том самолёте, с маленькой сумкой. Хотя он знает, под какую песню она впервые поцеловалась.

– Мне нужно было убежать.

Когда он все же задаёт ей вопрос, она им не смущена и отвечает, как ему хочется надеяться, честно. Она вертит в пальцах трубочку от молочного коктейля с химическим вкусом.

– Я бы не смогла уйти от Романа там. Все напоминало о нем и наших отношениях, и все мои порывы выглядели просто смешно, потому что я потом снова начинала винить себя и извиняться перед ним за все, что совершала и не совершала. Он делал мне больно, я извинилась и за это. Просто, чтобы быть с ним рядом, чтобы не терять его. Когда я говорила ему, что ухожу, он, конечно, всегда отвечал: «Уходи». Мне кажется, он ждал того, что я решусь. Но я всякий раз возвращалась, хотя он даже не замечал этих моих «уходов». Я не могла бы это завершить, пока он дышал со мной воздухом одного города. Трусливый шаг – и я убежала. Я всегда знала, что он и не будет меня искать, но в аэропорту наступило разочарование. Он меня не понимал, да и я не понимала его. Я устала постоянно быть виноватой и освободила его от себя. А себя освободила от преследующего меня чувства вины. Стало ли мне легче дышать? Нет. Мне кажется, я готова

сорваться в любой момент. Удивительное свойство женщин. Сходить с ума от тех, кому это совсем не нужно.

Он видит, что ей откровения даются сложнее, чем ему. Не в том плане, что ей тяжелее говорить о своих эмоциях. А в том плане, что он, как истинный мужчина, уже давно все отпустил и готов жить дальше. А она, как истинная женщина, все ещё чего-то ждёт. И не получает. Ему совершенно понятно, что тот, кого она столь беззаветно обожала, не испытывал к ней тех же чувств. Также понятно, что она и сама это осознает, и от того ей ещё больнее. Этот Роман был чертовым кретином. Стоп. Мужская солидарность. В нем должна быть мужская солидарность, а не симпатия к этой бойкой девчонке.

– То есть у тебя нет определённого плана?

– Почему же? Был. Я собиралась снять номер в самой дешёвой гостинице, купить конфет и вина, лечь на кровать и не выходить насколько меня хватит. Отключить телефон и тешить себя надеждами, что он мне звонит, просто я недоступна. И даже не включать его, чтобы не разувериться. Знаешь, включить телефон через год, когда уже будет все равно, и увидеть, что от него не было ни одного звонка. И понять, что поступила правильно. Я собиралась есть конфеты, смотреть сериалы и со страшной силой себя жалеть. Правда, некуда идти. Это путешествие – это все, что у меня осталось.

Конечно, типичный синдром жертвы – так она себя жалеет. Но все равно она кажется ему очень милой. Ещё чуть-чуть и она заплачет от несправедливости. Ему хочется её обнять, но эта её любовь к другому не то чтобы вызывает у него чувство ревности. Скорее, непонимания.

– Я не боялась даже смерти, я не хотела умирать, потому что это означало бы – никогда его больше не увидеть.

Серьёзное лицо и потом улыбка. Как будто бы она пошутила, пустяк, право же. Но он понимает, что она не шутила. Он приглашает её вечером в бар, и она рассеянно кивает.

На ней джинсовые шорты и все та же весёлая белая майка. Она смущённо говорит, что майку купила в универмаге, и переводит разговор на другую тему, чтобы он не решил, что она ходит по магазинам ради него. Шорты до того короткие, что он может рассмотреть её тонкие ноги. Даже небольшой синяк под коленом. При встрече теперь он целует её в щеку, и она не смущается. Он спрашивает у неё, хорошо ли она танцует, и её усмешка является красноречивым ответом.

Бар, который он выбрал – небольшой, народу внутри не так чтобы много. Играет музыка, чем-то похожая на кантри, бармен лениво протирает стаканы. Они усаживаются у самой стойки и заказывают модные фирменные коктейли этого бара, вроде как нужно пробовать все. Конечно, на вкус эти коктейли оказываются полной дрянью. Они, не сговариваясь, отодвигают их от себя и заказывают, что попроще.

– Мне нужно отойти.

Он быстро скрывается за большой железной дверью. Головные боли, она печально улыбается, ведь понимает. Ему сейчас нужно умыться холодной водой и привести в порядок мысли. И это понимает. Играет знакомая мелодия, которая ей напоминает о некоторых ностальгических моментах её жизни. Она встаёт с круглого стула, покачивает бёдрами в такт музыке. Поднимает волосы руками, мурлычет слова песни себе под нос. Она даже не отходит от стойки, просто впитывает музыку, когда чувствует на своей талии прикосновение руки. Она резко разворачиваемся и замечает какого-то молодого человека совершенно точно в состоянии алкогольного опьянения. Она улыбается ему из вежливости и убирает руки с талии, но он настойчиво притягивает её к себе, и она может почувствовать его дыхание. Не самое приятное: смесь дешёвого табака и виски. Она снова пытается оттолкнуть незнакомца, но он не сдаётся, говорит ей на ухо какие-то сальности, она отпихивает, а он хватает её за пятую точку. Она начинает паниковать. Как раз в этот момент раздаётся громкий голос.

– Ты, что, не видишь, что девушке твоё внимание неприятно?

Она с благодарностью на него смотрит. Хорошо, что его головная боль прошла вовремя. Как раз вовремя. Но её «новый друг» настолько перебрал с алкоголем, что его не трогают никакие слова.

– Мы сами разберёмся.

Она не может сейчас сказать точно, кто ударил первым, и как завязалась эта драка. Помнит, как звала на помощь и пыталась их растащить, хрупкая и перепуганная девчонка. Её быстро отшвырнули в сторону, и она смотрела со стороны, прижав ладони к губам. Когда их удалось оттащить друг от друга, на полу можно было даже заметить капельки крови, следы короткого, но нещадного боя с примесью алкогольного угара.

Она решительно тащит его за собой в туалетную комнату, хоть он и твердит, что с ним все в порядке, и она зря волнуется. У него над губой ссадина, рассечена бровь, все не так страшно, но она включает воду, прохладную, прижимает влажную салфетку к его ранам. Он морщится. «Настоящий мужчина», – она ласково улыбается.

– Ты мой рыцарь, спас прекрасную принцессу от дракона.

Он бормочет что-то. Можно разобрать «не благодари», и она умиляется его внезапно проснувшейся скромности. Дует на раны, когда он морщится в очередной раз.

Приподнимается на мысочки, чтобы достать до ссадины над бровью. И потом дует ему на губы, когда их взгляды встречаются. Губы, глаза, глаза, губы. Он нерешителен, а она с некоторым даже отчаянием прижимается губами к его губам. Мягко обхватывает рассеченное место, во рту даже появляется металлический привкус крови. Он обхватывает одной рукой её талию. На её белой майке остаются следы крови из его разбитых костяшек. Он собирает ткань её майки, оттягивает её. Она прогибает спину, как будто бы хочет отстраниться, но лишь углубляет поцелуй. Который не хочется заканчивать, словно от неловкости, ведь придётся смотреть друг другу в глаза. Она первая его поцеловала, она же первая отстраняется. Немного смущённо ему улыбается.

– Интересный способ лечить раны. Если бы так всегда, то я бы чаще ходил к докторам.

Она качает головой и смеётся. Спасибо ему, что всегда знает, как разрядить обстановку. По крайней мере, на неё действует безошибочно.

12

«Сестрёнка, как ты там? Надеюсь, что у тебя все хорошо, ты сильная девушка, я всегда восхищался твоей силой, ты ведь знаешь это? Смелостью. Ты говорила, что трусиха, но я помню, как за все наши шалости ты брала вину на себя, хотя от родителей тебе доставалось больше, чем мне. Но ты меня покрывала. Даже если была не виновата. Все равно упорно твердила, что моей вины нет. Тебя наказывали – домашний арест, месяц без сладкого, два месяца без телефонных разговоров. Я продолжал наслаждаться жизнью, а ты отвечала за мои проступки и никогда не винила меня в этом, искренне радовалась, что я был на концерте нашей любимой группы или выиграл в футбольном дворовом турнире. Ты всегда считала, что я достоин большего. Достоин чего? Гулянок? Развлечений? Или это был такой хитрый ход? Ты много читала, в то время как я развлекался как мог. Ты писала свои картины, писала портреты на улицах и зарабатывала свои первые деньги. Скажу честно, портреты были паршивыми, но ты была такая милая, что никто не осмеливался тебе об этом сказать. И ты решила, что художница. Да нет, твоё мастерство, конечно, с тех пор возросло. И ты даже можешь гордиться некоторыми своими картинами. Ты скажешь, что я несносный, но стоящих действительно всего несколько.

А ты верила тем, кто хвалил твои картины. Тебя так редко хвалили наши родители, что ты искала эту похвалу у незнакомцев, и когда у тебя получалось, ты подсаживалась на нее как на наркотик. Ты очень остро реагировала на критику. И расцветала от похвалы. Поэтому я не решался, как и остальные, сказать тебе, что картины твоя – мазня. Может, если бы тогда кто-

то был более смелым, честным и небезразличным, ты бы не стала заниматься своей художественной деятельностью, которая все равно у тебя толком не выходит. Но ты все еще помнишь, как тебя хвалили, когда ты была девчонкой. И сейчас хвалить продолжают, только никому не нужны твои картины. Ты должна найти себя. Снова. Начать свою жизнь с чистого листа. И у тебя есть на это время, милая сестренка. У тебя есть время найти себя и сделать свою жизнь счастливой.

Ты всегда и всем уступала. Ты уступала мне детство любимого ребёнка. Ты уступила своей подруге в старших классах право идти на свидание с парнем, который нравился вам обоим. Ты уступала своим ухажёрам, и они бросали тебя первыми, потому что ты не умела. Ты уступала в песочнице игрушки другим детям и хорошие оценки в школе. Ты пожимала плечами и говорила, что тебе не жалко, но все самое интересное проходило мимо тебя. Ты уступала своему характеру и снова, и снова влюблялась в тех, кто просто физически не мог тебя понять. И ты уступала им. Ты уступала каждому подонку, что встречался на твоём пути. Ты отказывалась от любимой китайской еды в пользу итальянской, если он её предпочитал. Ты смотрела боевики и боялась, что он узнает, что ты плакала над мелодрамами. Ты ложилась поздно, потому что он любил ночные прогулки, хотя ты всегда, начиная с десяти часов, хочешь спать. Ты теряла себя.

Но, Сестрёнка. На сей раз другим придётся уступить. У тебя впереди вся жизнь».

13

Майку со следами его крови она оставляет на полу в ванной, впрочем, как и шорты. Он уже лежит на кровати и щёлкает пультом от телевизора, когда она, обмотавшись белоснежным, но не самым мягким полотенцем, выходит из ванной. Грациозно, словно кошка ложится рядом с ним и кладёт голову ему на грудь.

– Не хочу думать о том, что будет завтра.

– У меня совсем скоро паром в другой город. Я не могу его пропустить. У меня осталось всего...

Она кладёт палец ему на губы. Щекочет волосами его грудь. Кончики её каштановой шевелюры намочили под душем. Он захватывает пальцами одну прядь. Пропускает ее между своими пальцами.

– Я не хочу знать, сколько нам осталось. Будем считать это курортным романом.

Как любой девушке ей хочется, чтобы он сказал, что у них может быть продолжение без слова «курортный». Как всякий мужчина он молчит. Впрочем, другого она и не ждала. У неё был план. Он ворвался в её жизнь и разрушил этот план. Она даже не звонила целый день Роману и не жалела себя. Прогресс в её болезни. В её болезнях. Она зевает, устраивается на нем уютнее и даже закидывает ногу. А он поглаживает её бедро слегка рассеянно. Он переключает телевизор с одной программы на другую. Один видеоклип сменяет другой. Она невидящим взглядом смотрит в телевизор и не понимает, к чему эта суета, и почему нельзя оставить какой-то определенный канал. Нутром ощущает, что он отчего-то не чувствует себя спокойно, и это беспокойство передается ей. Она начинает думать, что она сделала не так. Или что сделала слишком так, жалеет, что сказала про курортный роман, жалеет, что поцеловала его. Ему хочется пить, и он предлагает заказать в номер воды и фруктов. Убирает её ногу и высвобождается. Она выглядит немного печально, когда говорит, что не голодна, даже не поднимая головы, словно смертельно устала. Ему же теперь отступать некуда, и он набирает номер обслуживания номеров. Она наблюдает за ним своими яркими зелёными глазами, устроив голову на подушке. Ему кажется, что она даже не моргает. Этот взгляд заставляет его чувствовать себя неудобно. Нет, она все же моргает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.